

Иван Фёдорович Наживин

Глаголют стяги

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 82-311.6

ББК 84-4

Иван Фёдорович Наживин

Глаголют стяги / Иван Фёдорович Наживин – М.: Книга по Требованию, 2011. – 176 с.

ISBN 978-5-4241-3246-9

Иван Фёдорович Наживин (1874—1940) — один из интереснейших писателей нашего века. Начав с «толстовства», на собственном опыте испытал «свободу, равенство и братство», вкусил плодов той бури, в подготовке которой принимал участие, видел «правду» белых и красных, в эмиграции создал целый ряд исторических романов, пытаясь осмыслить истоки увиденного им воочию.

ISBN 978-5-4241-3246-9

© Издание на русском языке, оформление, «YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «Книга по Требованию», 2011

Иван Наживин
Глаголют стяги

I. КОЛЫБЕЛЬ РУСИ

*Се повести временных лет, откуда
есть пошла Русьская земля; кто в Киеве
первое нача княжити, и откуда Русь-
ская земля стала есть...*

Начало великой русской сказки, русской историей именуемой, покрыто «мраком киммерийским». Конечно, никакого «мрака» в безбрежных равнинах этих не было — в них, зелёных, диких, привольных, шла солнечная поэма творения, как и везде, — но своё невежество, своё бессилие проникнуть в запертые дали тогдашние историки именовали «киммерийским мраком»; поэты же древности населяли эти дали своими выдумками — более или менее неудачными.

Ещё задолго до Рождества Христова по черноморской Украине бездонных пространств этих уже цвели колонии финикийские и карийские, а за ними — греческие. Богатая Ольвия, бойко торговавшая рыбой, — на её медалях изображалась птица, несущая в клюве рыбу, — была основана в устьях Борисфена-Днепра почти за семьсот лет до Рождества Христова. Храм Деметры многоколонный царил над водною ширью. Теперь от неё не осталось и следа, а то место, где она некогда шумела, зовётся урочищем Сто Могил. Между Днестром и Бугом цвёл Ордисос, на Днестре красовался Тирас, в светлой Тавриде шумели Пантикапея — потом Керчь, — Херсонес, Кримны, Феодосия, Сидагиос, который славяне звали Сурожем, а потом — Судаком... А за этой узкой ленточкой греческой жизни начиналась Степь, жуткая Степь, которой не было конца, в которой жила сказка и бродили народы-призраки. От них остались только перевёрнутые имена: будины, гелоны, меланхлены, андрофаги, невры, языки, роксоланы, булане, забоки, койстобоки, пиенгиты, велеты, боруски, тирангиты, геты, сарматы, кробизы, ариаки, физамиты, савдариты, амадоки, бастарны, кораллы, сираки, агары, алане, ревкилане и прочие, и прочие, и прочие, без конца. В водовороте истории они меняли свои имена, меняли названия местностей, рек, городов, богов и тем самым довершали смятение и бессилие позднейших историков. Всё, что от них осталось, это немые курганы по бескрайним степям, иногда украшенные каменными «бабами», о которых известно только то, что они не бабы, ибо часто носят оружие. Тут, в степях между Танаисом-Доном и Борисфеном-Днепром гарцевали амазонки, занесённые морской бурей после войны с греками в Скифию. Тут кочевал народ-вшеед, внушавший грекам такое отвращение. Тут за полторы тысячи лет до Рождества Христова прошёл со своими египтянами Сезострис. Тут гонялся за скифами Дарий и, крепя призрачную власть свою над этими безднами, ставил вдоль Волги свои крепости...

За степями владычество сказки уже было совсем безраздельно. Одни поэты уверяли, что в сумрачных далях этих скрыты крючки, на которых закреплён мир, что там оканчивается круг, по которому вращаются светила небесные, что в грозных пустынях этих вечно идёт хлопьями снег и страшно зияют ледяные пещеры, в которых обитают бурные северные ветры. Для того чтобы уверить в этом неверов, в Пантикапее, в храме Асклепия, был даже выставлен медный, треснувший будто бы от мороза кувшин, на котором было написано, что поставлен он не в дар божеству, а только для того, чтобы показать людям, какие в той

стране бывают зимы. Другие, наоборот, уверяли, что там цветёт блаженная страна гиперборейцев, которые сеют хлеб утром, жнут в полдень, а плоды убирают под вечер. Климат там божественный. Живут гиперборейцы в священных дубравах, не ведая ни скуки, ни скорби, ни болезни, ни раздоров, вечно радуются и умирают лишь добровольно, когда пресытятся днями. От роскошного стола, оставленного яствами, старцы их уходят на скалу и бросаются в море. Сам отец истории, Геродот, умный, образованный и правдивый грек, не в силах справиться со сказкой, записал в свои путевые заметки, что там, у подошвы высоких гор, обитают плешивые, плосконосые люди-миротворцы с продолговатыми подбородками. Свои записки эти он читал потом всенародно на олимпийских празднествах, и греки приходили от них в восторг...

Потом, постепенно «киммерийский мрак» этот начинает рассеиваться. Занялись этим делом прежде всего купцы: богатому югу нужны были и янтарь, и меха дорогие, и рабы, и молодые рабыни. И вот в погоне за богатым прибытком, в одной руке золото или товары, в другой меч, «гости» поднимались по могучему Борисфену «на гору», всё дальше и дальше в глубь таинственных стран, всё шире и шире раздвигали пределы своей гостьбы, всё более и более строили и укрепляли большие и малые торжки, погостья, погосты. Уже финикийцы ходили этим путём по янтарь на Поморье. Янтарь почитался в те времена соком солнечных лучей и ценился дороже золота: крошечная человеческая фигурка из янтара стоила, по словам Плиния, дороже живого человека. В Передней Азии и в Архипелаге янтарь считался драгоценнейшим курением в палатах царей и в храмах богов и самым дорогим украшением наряда. Нерон очень искал его, чтобы украсить им сети, которыми окружали арену во время боя гладиаторов между собой и дикими зверями. В свою очередь и русские гости очень рано начали свои торговые походы по окрестным странам: уже в начале X века они проходили со своими повозками через Богемию на берега Дуная продавать баварцам лошадей и невольников, бывали они и в Царьграде, и в египетской Александрии, и в Орначе, столице сарацин-бесерменов.

Но если гости явились первыми исследователями «мрака киммерийского», то никто больше них не распространял об этих таинственных странах всяких вздорных побасок — чтобы отпугнуть других смельчаков промышленников: о холодах невероятных рассказывали они, о людоедах, о том, что столько там по лесам дикой пчелы, что человеку и пробраться невозможно... А сами тем временем пробирались и к болгарам, богатым драгоценными кунными мехами, и дальше по великой Итиль-Волге, к хазарам, над которыми царствовали жиды, и по Каме в богатую Биармию, страну золота и камней самоцветных. И, делая страшные глаза, они рассказывали, что золото стерегут там страшные грифы и что много труда и опасностей пришлось вынести им, чтобы вырвать у страшных стражей этих их сокровища...

И будили беспокойные жадные люди эти спящие пустыни. Зашевелился потихоньку человек и в дремучих лесах этих, и в неоглядных степях, где трава и бурьян были так высоки, что всадника было не видно в них, и где немые курганы, неизвестно кем и когда насыпанные, служили маяками, по которым степняки и заезжие гости правили свой путь, останавливаясь для отдыха у неизвестно когда и кем выкопанных степных криниц...

Народы-призраки пришли и прошли, и в степи появились другие народы с

уже определённым именем и лицом. Из них одни все ещё бродили по степям туда и сюда, а другие уже осели и стали не только орать землю, водить скот и пчёл, ловить зверя и рыбу, но и посылать эти плоды трудов своих в богатую Элладу, где в это время уже расцвёл на крутой скале золотой цветок Акрополя, где люди и боги жили вместе жизнью-сказкой, а питались пшеницей с берегов Нила и Днепра. Весь юг необъятной страны захватили скифы: на восток, к Та-наису-Дону — кочевники, к западу — орагаи, пахари. Происходили скифы, как записали учёные того времени, от Зевса и дочери Днепра, но другие учёные, напротив, утверждали, что произошли они от Геркулеса, который раз гнал этими степями волов Герiona и в устьях Днепра обрёл Ехидну, полуженщину-полузмею, которая и женила его на себе... Бок о бок со скифами сидели славяне, пришедшие неизвестно откуда и когда и рассыпавшиеся от берегов Дони (Дании) до верховьев Волги и Оки. И постепенно по горам, в уздах путин водных стали вставать городки немудрящие: там над седым Днепром — Киев, там на Волхове — Словенск, а за ним Новгород, там Ладога, там, у мери, Ростов, в тёмных лесах затерявшийся...

И все больше, все чаще, все глубже проникал этот дикий мир в мир греко-римский и обратно: если степняков можно было иногда видеть в гвардии императоров византийских и на улицах Рима за колесницей триумфатора, то иногда и они победителями врвались в Афины или Византию и грозный Рим должен был платить им дань или, как осторожно выражались римляне, дары, стипендии, субсидии... А пововав мир старый, уходящий, и новый, нарождающийся мир, снова старались «построить мир и положить ряды». Но и в мирное время столкновение этих двух миров рождало иногда яркие драмы. Рожданный матерью-гречанкой, скифский царь Скила рано почувствовал склонность к греческой образованности, и часто, подступив с своими ордами к Ольвии, он уходил в город, надевал там греческое платье и принимал участие в вакхических мистериях. Узнав об этом, скифы восстали, и Скила должен был бежать к царю фракийскому Ситалку. Но Ситалк выдал его, и скифы за склонность их царя к греческой образованности отрубили ему голову...

Потом запутавшийся и уставший Запад зашевелился под свежим ветром, подувшим с озера Тивериадского. Но это не могло уже оживить одряхлевшие народы: умертвив нежную галилейскую сказку, они заставили её служить старым богам, а точнее: себе. И седое предание говорит, что из грек в варяги, через славную Корсунь, прошёл на север с уже изуродованным благовестием апостол Андрей. Он благословил киевские горы, поставил на них крест и поведал своим ученикам, что некогда воссияет на сих горах благодать Божия, устроится великий град и воздвигнутся многие церкви. А потом пошёл он к славянам на Ильмень-озеро. И тут он увидел многие чудеса, о которых потом рассказывал в Риме. «Есть, — говорил старичок, — у славян бани деревянные. Натопят они их жарко, разденутся донага, обольются квасом усняным (щёлоком), возьмут молодое прутье да и хвощутся им, и до того добьются, что вылезают еле живы. А затем обольются студёною водою, так и оживут. И так творят всякий день, никем не мучимы, но сами себя мучат, творя себе не омовение, но мучение...» И римляне слушали старичка и, дивясь на варваров, покачивали головами.

И всё более и более крепили молодые народы степей и лесов и иногда отваживались пробовать свои волчьи зубы на каменных стенах Византии. Греки

встречали их ладьи страшным греческим огнём — они называли его аргументом, — но, несмотря на все эти аргументы, дикари снова и снова возвращались за золотом, за паволоками, за оружием, за вином добрым с островов солнечных. Сражались они не только без кольчуги, но часто даже и рубашку сбрасывали, и отравленные стрелы их для византийцев тоже были аргументом довольно опасным; часто дикарям удавалось отогнать и полон: греками и римлянами можно было торговать нисколько не хуже, чем полянской пшеницей, сушёной рыбой или мехами. Новый бог, пришедший из Галилеи, в таких столкновениях становился неизменно на сторону, противную дикарям: стоило в трудную минуту патриарху византийскому погрузить ризу Богородицы Влахернской в море, как сразу же поднималась жестокая буря и размётывала вёртки однодерёвки варваров, как осенние листья. В благодарность за небесную помощь властители церковные установили в честь доброй Богородицы новую службу, которая совершалась ночью, стоя, и называлась акафист, что значит неседален.

Но все ещё смутны шумы этой жизни, неясны её игры, все ещё едва-едва выделяются отдельные облики участников великой трагедии. Если Кий, Щёк и Хорив с их сестрою Лыбедью, сидевшие родами своими над Днепром, если Рюрик, Синеус, Трувор, Аскольд и Дир, первые варяги, если Вадим и Гостомысл просто имена, не имеющие плоти, без всякого облика, то в воинственной и величавой тени вещего Олега уже проступают живые человеческие черты и вся жизнь его и смерть красивы, как сказка. Это — начало.

И только около этого времени яснее проступает тень и самого Киева. Сперва это был просто перевоз. Много проходило тут всякого народа и с запада на восток и обратно, и «из варяг в греки» и обратно. Население посёлка было весьма пёстро. Сюда, как века спустя на Дон, стекались люди, которым дома было тесно. Сюда, в узел водных путин, стекались для торгова гости: с юга за янтарём, за бобровой струёй, полезной при припадках, за «мягкой рухлядью», то есть за мехами, а с севера за товарами богатого юга. Киевские люди, опытные лодчани, перевозчики, знавшие страшные пороги как свои пять пальцев, как бы открывали всем двери туда и сюда. В X веке Киев принадлежал, в сущности, всем племенам, тяготевшим к Днепру. Вся верхняя земля смотрела на него как на средоточие всей земли Русской. Именно поэтому и дал ему Олег так удачно имя матери городов русских. Именно поэтому и двинулся он на Киев великою ратью, в которой участвовали не только славяне-новгородцы, но и чудь, и меря, и весь, и кривичи, и, заняв его, утвердил этот важнейший узел ещё не устроенной земли Русской. И вскоре он «примучил» соседей-древлян и обложил их данью. А немного сгодя ещё, подняв Русь, — имя это только-только родилось над Днепром, — Олег ударил по Царьграду, взял дань по двенадцати гривен «на ключ» — то есть на уключину, — и прибил свой щит над воротами гордого города, и заключил договор: «Да приходит Русь, послы, в Царьград и берут посольское, сколько хотят, а придут которые гости, пусть берут мясину на полгода — хлеб, вино, мясо, рыбу, овощи, и да творят им мовь (баню) сколько хотят. А пойдут Русь домой, пусть берут у царя на дорогу брашно, якори, канаты, паруса, сколько надобно». И цари утвердили мир и целовали крест, а Олег и его мужи по русскому закону клялись своим оружием, богом Перуном и Велесом, скотьим богом. «И повелел Олег Руси, — говорит сказка, — сшить паруса поволочитые (шёлковые), а славянам — кропинные (бумажные). Но кропинные паруса сразу изорвал ветер,

и сказали славяне: останемся при своих толстинах — непригодны славянам паруса кропинные!»

И почала с тех пор Русь сношаться с гордым Царьградом посольствами, когда требовалось, и цари чтили послов всегда дарами: золотом, паволоками, фофудьями; и приказывали всегда показывать им город: красоту церковную, палаты золотые и в них всякое богатство, а в особенности святыню христианскую: «страсти Господни», то есть венец, гвоздь, хламиду багряную и мощи святых, «поучая послов к своей вере». И потом отпускали их домой с честью великою...

Но, несмотря на все договоры на мир и любовь, крепко побаивалась Византия орлёнка, растущего в степях. Тут, на её счастье, прошёл степью новый потоп, орды печенегов. Слившись с побеждёнными скифами, они заняли огромные пространства от Доростола на Дунае (Силистрия) до хазарского Саркела на Дону. Византийцам было это очень на руку: печенеги связали собою Русь. И они дарами старались закрепить за собой их дружбу.

Смутна ещё и фигура Игоря. После смерти Олега от змеи древляне сейчас же заратились, или, по другому выражению, затворились от Игоря, то есть отказались платить ему дань. Он пошёл на них и погиб ужасной смертью: раздражённые поборами, древляне, овладев князем, привязали его ногами к верхушкам двух нагнутых к земле деревьев, отпустили их и князь был с маху разодран на двое под самыми стенами вражьего Искоростеня, что на реке Уше стал.

Но уже ярче проступает образ Ольги, жены Игоревой. Несмотря на все старания летописцев, упившихся византийской премудрости и елейности, сделать из неё икону, она стоит у входа в русскую историю бой-бабой, разбитной псковитянкой, во весь рост. Хитро и жестоко отомстившая древлянам за смерть мужа, она на другой же год после древлянского погрома пошла на Новгород, устала там погосты, дани и оброки по рекам Мсте и Луге и закрепила за собой по Поднепровью перевесища на ловлю зверей. И по всей земле были её ловища и знамения (меты, зарубки) и места и погосты... А потом, по следам Олега, собралась она в ладьях легкокрылых в гости в Византию. Византия заставила Ольгу выжидать приёма многие месяцы, но в конце концов она своего добилась и была принята в том роскошном дворце, который строился уже шесть веков, со времён Константина, и был теперь в полном блеске — перед недалёким уже концом. Летописец, всячески стараясь разукрасить свою любимицу, рассказывает, как император пленился Ольгой и как предложил ей свою руку, как она, не желая этого, пригласила его быть крёстным отцом при её крещении, а когда крещение состоялось, указала ему, что он, как крёстный отец её, жениться на ней уже не может.

Хитрый сам, византиец не мог не восхититься.

— Ах, Ольга... — воскликнул он. — Переключкала мя еси!..

Но все это сказка: император Константин был женат, а Ольге было уже за шестьдесят. Не меньше сказки и в тех возвышенных чувствах, которые будто бы привели бойкую псковитянку к желанию креститься. Дело было много проще. Молодая Русь чувствовала себя среди европейских народов какою-то Золушкой, ей было стыдно своего деревенского убожества, и ей хотелось наладить у себя все, как у хороших господ: самые высокие, по-видимому, решения часто внушаются весьма мелкими побуждениями. И, нагостившись в Царьграде, Ольга направилась к дому, увозя не только сокровища духовные, но и добрый запас

шёлков греческих, золотых украшений, мыла духовитого, румян и белил. А когда некоторое время спустя византийский двор напомнил ей через послов, что недурно бы и одарить Византию — принимают: челядь, воск, меха и воев для гвардии... — новая христианка не очень смиренно отвечала своему крёстному:

— А пускай он постоит у меня на Почайне столько же, сколько я у него на Золотом Роге стояла, — тогда, пожалуй, и я ему даров пошлю!..

Так что переключать-то она византийца всё же переключала, но едва ли это было очень уж по-христиански.

Своего чубатого, воинственного Святослава она очень уговаривала принять благодать святого крещения. Но суровый воин только нетерпеливо хмурился.

— Да что ты, мать? К чему это?.. Дружина смеяться будет...

Эта крепкая, чубатая фигура последнего князя-язычника замыкает собой огромный, туманный, «киммерийский» период истории русских степей и лесов и тем самым открывает дверь — сказке новой...

II. ДВА МИРА

*Яко сокол на ветрех ширяяся, хотя
пътичу в буйстве одолети...*

Широкий Дунай ослепительно блистал солнечной чешуёй. На том берегу стлался дым от костров византийской армии. Дальше мутно голубели горы... Осень уже разбросала свои пышные ковры по лесам и полям... К песчаной отмели, где дремали под плеск мелкой волны челны, подъехал киевский князь Святослав с седым Свентельдом, воеводой, и несколькими дружинниками. Спешившись, они передали коней дремавшим у челнов воям-лапотникам, и князь из-под руки посмотрел на тот берег.

— Ничего не видать... — сказал он и хмуро опустил на борт одного из челнов. — Посидим...

Дружинники сели кто где и как хотел. Лица их были угрюмы: положение русской рати было очень тяжёлое. Все планы Святослава закрепить в Переяславце среди болгар и сделать из него вместо Киева столицу молодой Руси развалились. И темно было будущее...

Святослав был в полном расцвете сил. Небольшого роста, крепкий, он, казалось, состоял весь из одних мускулов. Многочисленные раны, полученные в последних сечах, он носил как будто только как украшения, приличные воину. На широких плечах его крепко сидела круглая, вся бритая голова с длинным чубом. Длинные, висячие усы придавали загорелому лицу суровое, почти дикое выражение. В голубых глазах пряталась какая-то дума. В то время как его дружинники были в дорогих доспехах, сам он был только в белой холщовой рубахе, как и все его вои, и единственным украшением его была золотая серьга в ухе, украшенная двумя жемчужинками и рубином... Это был прирождённый, от колыбели воин. Когда ему исполнилось четыре года, ему, по обычаю, были устроены торжественные «постриги», дружинное посвящение в князья, в вожди: ему остригли все волосы, кроме длинного чуба на темени, впервые посадили на коня, дали оружие, а затем начался в гриднице бешеный пир. И дружину всю, и заезжих гостей Ольга, мать, одарила богатыми дарами по этому случаю. И ещё ребёнком участвовал он с матерью в походе на древлян, убивших его отца, и, начиная сражение, первым бросил в сторону врага своё копьё. Ручонки его были слишком слабы, копьё тут же, под мордой коня, зарылось в песок, но воинственный жест ребёнка восхитил сердца суровых дружинников.

— Князь уже почал... — суровым басом своим крикнул Свентельд. — Потянем, дружина, по князе!..

И закипела сеча...

И по мере того как он рос, всё больше становилась вокруг него дружина, все крепче смыкалась она вокруг этого юноши воина: «Князю Святославу, возрасту и возмужавшу, нача вои совокупяти многи и храбры». Он всю жизнь проводил в ратном поле, «легко ходя, аки пардус (рысь)». Обозов за собой он никогда не водил и не гонялся ни за блеском воинским, ни даже за простыми удобствами. На днёвках он, как и все вои его, резал тонко конину, говядину или зверину и, поджарив мясо на углях, ел. Шатра он не имел, а, постлав на землю конскую попону, клал в головы седло и засыпал крепким сном. Он не считал нужным

прибегать к разным воинским хитростям и, снаряжаясь в поход, посылал к врагу гонца: «Хочю ити на вы...» Много утёр он пота со своей дружиной!..

Один поход следовал за другим: не успел он управиться в 964 году с беспокорными вятичами, сидевшими по Оке, как сейчас же нужно было идти на назойливых хазар, в устья Волги, а оттуда ударить по ясам и косогам, жившим в предгорьях Кавказа, а оттуда опять на волновавшихся вятичей.

Император византийский Никифор Фока позвал Святослава на помощь против беспокоивших его болгар придунайских. Святослав быстро покорил их и — остался там жить.

— Не любо мне в Киеве... — говаривал он. — Я хочу жить в Переяславце на Дунае. Сюда свозится вся благая: от греков золото, паволоки, вина, овощи, от чехов и венгров — серебро и кони, из Руси — меха, воск, мёд и рабы...

Какую думку задумала эта бритая, чубатая голова, об этом знала только одна она, но этот неожиданный наскок степняков с севера на дряхлеющую Византию вызвал в Царьграде великие опасения. Никифор, свергший с престола Романа II с помощью его жены, красавицы Феофано, был в свою очередь убит хитрым Цимисхием: кровавая чехарда в великолепном дворце, вокруг золотого «трона Соломона» возвещала начало конца. Цимисхий чувствовал, какая опасность таится в перенесении средоточия молодого славянства с берегов Днепра на берега Дуная, и потребовал от Святослава удалиться... Тот не уступил, и началась долгая борьба.

Многочисленная греческая армия окружила небольшой отряд Святослава — у него было всего десять тысяч воев — железным кольцом. Жуть охватила русь.

— Нам уж некуда деваться, братья, — сказал будто бы Святослав дружине, которую он звал то братьями, то детьми. — Хочешь не хочешь, а биться надо. Не посраим же земли Русской, ляжем тут костями: мёртвые срама не знают. А если побегим, осраим себя... Станем же крепко! Я пойду передом, а если голова моя ляжет, вы уж промыслите о себе сами...

Все ободрилось.

— Где падёт твоя голова, там и мы свои сложим... — потрясая блистающими мечами, закричала дружина. — Не посраим земли Русской!..

Русь исполчилась, грянул бой и — греки побежали. Дорога на славный Царьград была открыта. Не считаясь с ничтожеством своих сил, Святослав степным барсом бросился вперёд. Перепуганный Цимисхий выслал навстречу северному витязю посольство с богатыми дарами: тут было и золото, и камни самоцветные, и паволоки, и узорочье всякое. Святослав бросил на всё это презрительный взгляд и молвил небрежно:

— Отдайте все это моим отрокам...

И — не сказал послам ни слова. Смущённые, они возвратились в Царьград. Хитрый Цимисхий отправил тогда новое посольство с новыми дарами: то было самое драгоценное оружие из оружейной палаты дворца. Святослав при виде этих даров так весь и загорелся и, хватая то меч булатный, то щит червлёный, то кольчугу блистающую, все целовал их и, сияющий, сказал наконец послам:

— Благодарю... Скажите вашему царю, что я целую его за эти дары...

Цимисхий понял жест дикаря, опять, как встарь, пошёл на дань, и Святослав возвратился в свой Переяславец «с похвалою великою».

Но близость славянского барса не давала спать византийской лисице, и,